

Старообрядцы (семеиские) Амурской области: история и особенности языкового существования

Old Believers (Semeiskie) of the Amur region: history and characteristic features of their language situation.

Streszczenie: W artykule omawiane są dialekty staroobrzędowców (starowierców) obwodu amurskiego. Należą one do grupy dialektów rosyjskich powszechnych na terenach późnych osad słowiańskich. Noszą one charakter lokalny, ponieważ powstały w wyniku ruchów kolonizacyjnych zamkniętych zbiorowości staroobrzędowców na terenach zdominowanych przez obcy im język i dialekt. Narzecza te w okolicach Wietki i Staroduba uległy wpływom polskim i białoruskim, natomiast na Zabajkalu – mongolskim i buriackim. Obecnie na teren obwodu amurskiego (Federacja Rosyjska) emigrują staroobrzędowcy z Argentyny i Brazylii. Ze względu na złożoność historii amurskich starowierców dotarcie do ich pierwotnych narzeczy napotyka trudności w postaci wielu warstw dialektalnych. Aktualnie wyróżnia się trzy grupy dialektów staroobrzędowców Przyamurza: 1) Zachowujące na wszystkich poziomach cechy pierwotnych południowo-rosyjskich dialektów oraz posiadające „ślady” polskich i białoruskich wpływów; 2) Zachowujące pojedyncze cechy pierwotnych dialektów niebędących południowo-rosyjskiego pochodzenia oraz posiadające głównie północno-rosyjski system leksykalny; 3) Posiadające niejednorodną strukturę oraz ślady wpływów białoruskich nabytych już na terenie obwodu amurskiego.

Słowa kluczowe: staroobrzędowcy, starowiercy, dialekty, migracja, leksyka

Summary: The article deals with the dialects of Old Believers (Semeiskie) of Amur region, the Russian dialects in the territories of late Slavic settlement. They are relatively local communities, because they were formed as a result of colonization movements of closed groups of Old Believers in a foreign language environment. These dialects experienced Polish and Belarusian language influence in the areas of Vetka and Starodubie, in the areas of Mongolian-Buryat Transbaikalia. Currently the Old Believers from Argentina and Brazil actively migrate into the Amur region of the Russian Federation. Due to the complexity of the historical fate of the Amur Old Believers, it is difficult to identify their substrate-dialects. Nowadays there are three groups of Old Believers' dialects in the Amur region: 1) preserving the southern Russian dialectal features on all language levels and with "traces" of the Polish and Belarusian influence; 2) preserving single features not of southern Russian origin and having predominantly Northern Russian lexical system; 3) with a non-uniform structure and Belarusian influence achieved on the territory of the Amur region.

Key words: Old Believers, Semeiskie, dialects, migration, vocabulary

Введение

Формирование русских говоров Приамурья непосредственно связано с задачами социального, экономического и политического освоения дальневосточных окраин Российской империи. Амурская область заселялась в основном за счет колонизационных перемещений восточнославянского населения с середины XIX –

первых десятилетий XX вв. Источниками формирования населения Приамурья стали государственное переселение казаков и крестьян, в том числе старообрядцев и молокан; вольная крестьянская колонизация края; ссылка каторжников. Помимо охраны государственной границы существовала необходимость в обслуживании почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой; в разработке золотоносных рудников, а также приграничной торговле с Китаем и др.

Русские говоры Приамурья начали формироваться с середины XIX в. в связи с появлением казачьих станиц по Амуру. Забайкальские казаки представляли главный поток мигрантов в 50-70 гг. XIX в. После 1882 г. среди колонизаторов края стали преобладать русские и украинские крестьяне-переселенцы. Белорусы представляли наименьшую группу восточнославянского населения края, осваивавшего Приамурье. Огромную роль в жизни края и формировании особого диалектного ландшафта сыграли молокане и старообрядцы, занявшие обширные территории сельскохозяйственных и лесных угодий.

Говорить о жизни старообрядческих общин на фоне общерусского исторического развития чрезвычайно сложно. К настоящему времени из существующих групп старообрядцев Амурской области наиболее изучены семейские, представляющие собой этно-конфессиональную группу русских старообрядцев-беспоповцев, переселенных из Польши и прибывших в Приамурье после двухсотлетнего пребывания в Сибири и Забайкалье, а в некоторых случаях возвратившихся на дальневосточные земли после более чем полувековых странствований по Китаю, Боливии, Бразилии, Аргентине.

Говоры старообрядцев Амурской области долгое время не являлись предметом системного лингвистического описания и не нашли отражения в региональных источниках (Кирпикова 2003; Галуза, Иванова 2007). Планомерная работа по изучению говоров семейских была начата лишь в начале XXI века.

В 2001-2016 гг. были совершены фольклорно-диалектологические экспедиции в старообрядческие села Архаринского, Свободненского, Белогорского и Шимановского районов Амурской области: Грибовку, Желтоярово, Заган, Загорную Селитьбу, Гуран, Новоандреевку, Никольское, Ключи, Ураловку и др. В конце XIX – начале XX вв. все населенные пункты были образованы старообрядцами, главным образом, переселенцами из Забайкалья. В некоторые из них (например, в Ураловку) семейские были насильно переселены во время репрессий 1930-х гг. из Свободненского района. Во время экспедиций был собран значительный лингвистический и этнографический материал, позволяющий провести системный анализ разных групп старообрядческих говоров.

Цель настоящей статьи – в обобщенном виде описать исторический путь и особенности говоров старообрядцев (семейских) Амурской области.

Исторический путь старообрядцев Амурской области

Статистические источники по Дальнему Востоку конца XIX – начала XX вв. практически не фиксируют конфессиональный статус переселенцев. В советский период старообрядцы старались не говорить о своей принадлежности к религиозным толкам. Эти факты значительно осложняют изучение истории переселения

старообрядцев на Дальний Восток. Единственными доступными источниками изучения вопроса стали географо-статистические издания (Кириллов 1894), *Погодные ведомости (Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области 1903, 1906)* и материалы диалектологических экспедиций в старообрядческие села (*Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета 2001-2016*).

Если говорить о других территориях России, то история наиболее ярких старообрядческих групп Алтая и Сибири – поляков и семейских – изучена достаточно хорошо. Их переселение из западных регионов на восток (на Алтай, в Западную и Восточную Сибирь) осуществлялось в 60-е гг. XVIII в. в соответствии с указами Екатерины II, во время второй «раскольничьей выгонки» из районов Ветки (1764 г.) и, по некоторым данным, – из Стародубья. Общее число возвращенных в Российскую империю старообрядцев предположительно достигало 15-20 тысяч человек. Большинство из них были выходцами из Московской губернии, в которую тогда входила вся центральная часть России. Многие называли местом своего первоначального исхода Белгородскую и Новгородскую губернии. Многочисленные группы старообрядцев были переселены в Польшу из Смоленской, Воронежской, Нижегородской, Архангельской губерний.

Таким образом, из Польши было выведено до 20 тысяч старообрядцев, ранее проживавших на различных материнских территориях. Большая часть этих групп была направлена на Алтай и в Сибирь (Аргудяева 2008: 22-24). Из Восточной Сибири старообрядцы в последствии двинулись на Дальний Восток, в частности в Приамурье.

Прибывать в Амурскую область старообрядцы начали с 50-60-х гг. XIX в.. На всех этапах переселение поддерживалось царским правительством, преследовавшим цели быстрого освоения дальневосточных земель Российской империи. На старообрядцев была возложена миссия сельскохозяйственного освоения обширных левобережных приамурских территорий. Позднее по приглашению губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись на Дальний Восток преимущественно для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой. С началом функционирования морского пути на Камчатку почтовые тракты были закрыты, и часть крестьян-старообрядцев была вынуждена вернуться в Забайкалье, другая же осталась на Дальнем Востоке, в том числе в Приамурье (*Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области 1903, 1906*).

Амурские старообрядцы расселялись отдельными деревнями преимущественно вдоль рек Томи, Зеи, Белой, Буреи. Первые поселенцы – беспоповцы (спасовцы (даниловцы), поморцы, часовенные и др.), переселившиеся в Приамурье из ближайшего Забайкалья. Точного учета всех переселенцев, в том числе и старообрядцев, до 1883 г. в Приамурье не существовало. В силу различных причин старообрядцы избегали официальной регистрации и в последствии. В Приамурье было достаточно неосвоенных сельскохозяйственных угодий, и старообрядцы свободно расселялись вдали от административных центров и обжитых территорий. По данным переписи 1897 г. в Приамурье в конце XIX в. численность «старообрядцев и уклоняющихся от православия» составила 14308 человек или 12 %

от всего населения области (*Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* 1904: 47). «С 1885 по 1899 г. численность старообрядцев в Амурской области возросла до 7,8 тыс. душ, причем почти исключительно за счет вновь прибывших» (Аргудяева, Хисамутдинов 2013: 49). В конце XIX – начале XX вв. на восток России начинается переселение старообрядцев из Австрии, Румынии, Болгарии, Турции (Лобанов 1994: 15-28). «Их экономическое положение в конце XIX в. ощутимо ухудшилось вследствие сокращения свободных земельных площадей, что подрывало традиционное земледелие» (Аргудяева, Хисамутдинов 2013: 52). В период с 1907 по 1912 гг. наблюдается резкое увеличение количества старообрядцев в Амурской области за счет липован – русских старообрядцев, вернувшихся в Россию из Румынии и компактно поселившихся в Свободненском районе (с. Климоутцы) (*Старообрядцы-переселенцы 1912:* 293).

Старообрядческие поселения Амурской области образовывались, главным образом, с 1858 по 1912 гг. Нужно отметить быстрые темпы роста численности старообрядческих поселений: новые хутора и деревни появлялись практически ежегодно, преимущественно в южных и центральных районах Амурской области.

Старообрядческие населенные пункты образовывались несколькими путями: путем переселения из других регионов, внутренней миграции и создания временных поселений для выполнения различного рода хозяйственных работ (пасеки, пчельники, хутора, заимки и др.); путем выделения наделов женатым сыновьям.

Старообрядцев Забайкалья и Приамурья принято называть исключительно «семейскими». Это обусловлено тем фактом, что к началу XX в. переселенцы из Забайкалья – семейские – составляли абсолютное большинство из числа всех других старообрядцев, прибывших в Приамурье.

Однако анализ текстов самих старообрядцев свидетельствует о том, что с самого начала освоения старообрядцами амурских земель под семейщину подводятся разнообразные течения русского старообрядчества, главным образом, беспоповского толка. Это выходцы из сел Тарбагатай, Большой Куналей, Новая Брянь, Бичура, Архангельское, Никольское, Десятниково Бурятии.

Экспедиционные данные указывают на достаточно пеструю картину в среде амурского старообрядчества. Так, в Приамурье переселялись нырки, спасовцы, часовенные, самокрестцы, кержаки, поморцы. В начале XXI в. старообрядцы, исторически принадлежащие к различным беспоповским толкам и согласиям, причисляют себя исключительно к семейским (кроме жителей отдельных сел и хуторов Архаринского и Свободненского районов). В настоящее время они не обнаруживают значительной разницы в религиозной и бытовой культурах.

Пожилые жители старообрядческих сел Белогорского района (Новоандреевка, Ключи), кроме как семейскими, именуют себя спасовцами или кержаками – «выходцами с реки Кержа» (Керженец) и имеют несколько отличный от других семейских исторический путь.

Однако в чужеродной религиозной и культурной среде старообрядцы различных толков и согласий всегда стремились поддерживать связи на общинном и семейном уровнях, что в условиях Амурской области привело к нивелировке разногласий между сторонниками старообрядческих течений, а осознание себя

семейскими, поляками, кержаками стало носить скорее региональный, чем религиозный характер.

В первые десятилетия XX в. стал очевиден приход советской власти на Дальний Восток, что повлекло за собой интенсивную эмиграцию старообрядцев в соседний Китай. В г. Харбине и его окрестностях образовалось несколько старообрядческих поселений (Аргудяева, Хисамутдинов 2013).

В 1919-20-й гг. из-за событий, разворачивающихся в Приамурье, многие старообрядцы покинули Амурскую область. Они переселялись в г. Хабаровск, а позже – в Приморье, в Никольск-Уссурийский, а затем – в Харбин (*Дальневосточный старообрядец* 1935: 8). Часть старообрядческих семей из Приморья, спасаясь от коллективизации и репрессий, эмигрировала в Трехречье и Маньчжурию и недалеко от г. Харбина основала деревни Романовку, Коломбо, Чипигу (Масаловку), Медяны и др. (Аргудяева 2005: 212).

В исторических источниках отсутствуют факты о прямом переселении старообрядцев из Амурской области в Китай, однако есть свидетельства о том, что отдельные семьи амурских семейских в 30-е гг. присоединялись к казачьим отрядам, переходили русско-китайскую границу и уже на территории Китая подселялись в русские приграничные села, а также русские поселения в близи г. Харбина.

Однако Китай так и не стал местом окончательного пристанища покинувших Россию амурских старообрядцев. Во второй половине 1940-х – 1960-е гг. им пришлось уехать из Китая в Австралию и Южную Америку, откуда впоследствии эмигрировать в Канаду и США. Однако был и обратный путь – в Советский Союз. Как отмечает Ю.В. Аргудяева, «с приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной Армии часть мужчин из старообрядческих деревень увезли в СССР и подвергли репрессиям. Оставшиеся семьи расселились в разных местах Маньчжурии; в 1950-60-е гг. некоторые из них вернулись в Советский Союз, но большинство уехали в Австралию и Бразилию, откуда позднее перебрались в США и Канаду» (Аргудяева 2005: 214). В настоящее время наблюдается процесс возвращения в Амурскую область старообрядцев часовенных («синьцзянцев») из Бразилии и Уругвая.

Таким образом, формирование старообрядческих общин в Приамурье естественным образом связано с крестьянской колонизацией Дальнего Востока. В своеобразных геополитических условиях процесс формирования старообрядчества в Амурской области прошел несколько этапов, что сказалось как на религиозном, духовном, так и на бытовом развитии семейщины.

Особенности говоров

Как и практически все говоры Амурской области, говоры семейских относятся к числу русских говоров, распространенных на территориях позднего славянского освоения. Они сложились в результате исторических перемещений старообрядцев на Дальний Восток в условиях междиалектного взаимодействия. Влияние литературного языка на говоры семейских не так велико, как это, например, наблюдается в говорах других групп крестьянского и казачьего населения области. Многие диалектные особенности, утраченные русскими говорами, сохраняются в языке старообрядцев.

Это дает возможность производить их сравнение с говорами других территорий с целью выявления материнской основы.

В Амурской области старообрядческие говоры объединены в группы как очень близких между собой говоров, так и имеющих значительные различия.

В отдельных группах говоров наблюдаются диалектные особенности, во многом совпадающие с говорами старообрядцев Забайкалья. К таким чертам относится, например, повсеместное произношение в первом предударном слоге гласного [а] как аллофона фонемы /о/ (*карóва, мьлакó*); гласного [а] после мягких согласных как аллофона фонем /e/, /a/, /o/ (*пьялítь; тряпíчка, увязлá*), гласного [и] как аллофона фонемы /а/ перед твердыми и мягкими согласными (*прилá, взилá*); переход [е] в [о] (*совремéнный, помёрли, тёмно*); произношение на месте [к] на конце слова [х] (*нет денех, на ступенех*); окончание *-е* у личных и возвратных местоимений в формах Р.п. и В.п. ед. ч. (*у мене, у тебе*); наличие общего спряжения (*просят, возят*); мягкий и твердый варианты в окончаниях глаголов 3 л. (*морозят, кличут*); произношение слова *что* как *чэ, шо*; наличие звательной формы (*паря, братко, паря, тятенько, батенько*); многочисленные синонимы-дублеты. Например, названия колыбели (*зыбка, лолька, качалка, качулька*), цыплят (*цытушки, силки*), курицы (*квочка, квохтуша, самосадка, квохтушка*), натальной женской рубахи (*станушка, становина, рукава, становина и др.*) и др.

Говоря об истоках семейских говоров, исследователи отмечают их южнорусское происхождение (Тынтуева 1974: 156-157). Это утверждение мы можем напрямую отнести и к некоторым старообрядческим говорам Приамурья.

П.Ф. Калашников, описывая диалектные системы говоров забайкальских старообрядцев, отмечает, что современные семейские говоры неоднородны и их можно разделить на три группы. Для первой характерно наличие многих архаичных диалектных черт. Это говоры сел Бичура, Большой Куналей, Хонхолой, Никольское, Новый Заган. Вторая группа говоров в основе своей южнорусская, но имеющая значительные среднерусские наслоения. Это говоры сел Тарбагатай, Десятниково, Ключи, Мухоршибирь. Третьей группе говоров свойственны архаичные диалектные черты, не зафиксированные в других группах говоров (Калашников 2000: 85).

Многолетние полевые исследования позволяют говорить о том, что и в Приамурье можно выделить несколько диалектных групп говоров семейских. Эти группы имеют отличные от других говоров диалектные особенности и распространены на относительно замкнутых ареалах. Подробное описание каждой группы говоров представлено в ряде статей автора (Архипова 2009; Архипова 2011; Архипова 2014; Архипова 2015).

Первая группа – говоры семейских Свободненского района (например, сел Желтоярово, Бирма и Заган), а также отдельных сел Шимановского района (например, Ураловки). Они в большей степени сохранили черты южнорусских материнских говоров на фонетическом, грамматическом и частично лексическом уровнях и в меньшей степени испытали сибирское влияние.

Вторая группа – говоры старообрядцев Белогорского района (села Ключи и Новоандреевка) и некоторых новых хуторов, образованных в Свободненском районе в 2014-2016 гг. старообрядцами-синьзянцами часовенного согласия,

реэмигрировавшими на Дальний Восток из Бразилии и Уругвая во второе десятилетие XXI в. (семьи Зайцевых, Килиных, Вагнеровых, Павловых, Фефеловых и др.). Их говоры тяготеют к среднерусскому наречию, южнорусские черты в них проявляются спорадически и, главным образом, в лексикализованных формах. В говорах семейских Белогорского района отмечается большое количество севернорусской лексики, унаследованной от коренного населения Западной Сибири во время почти 200-летнего пребывания в Бурятии. В говорах же синьцанцев такая лексика встречается единично, что обусловлено более чем полувековым их пребыванием вне метрополии на территории Китая, Боливии, Бразилии, Уругвая. Однако все лингвистические факты указывают на то, что и белогорские семейские, и синцзянцы-часовенные являются носителями языка и культуры одного среднерусского типа.

Последнюю группу составляют говоры старообрядцев Архаринского района, испытывавшие значительное влияние белорусского языка уже на территории Приамурья. Так, село Грибовка заселялось одновременно белорусами и русскими, среди последних были и старообрядцы из Забайкалья. Нередки были смешанные браки. Например, известны факты одобренных общиной союзов между «перекрещенными» белорусскими девушками и мужчинами-семейскими. В начале XX в. в Грибовку переселилась большая семья старообрядцев-часовенных из Кемеровской области, что также отразилось на языковом ландшафте села. В говоре отмечены многочисленные заимствования из белорусского языка, не зафиксированные на других территориях компактного расселения старообрядцев, обнаруживается сводная конкуренция лексики севернорусского и южнорусского происхождения, отмечена несистемность фонетических и морфологических явлений.

Одним из доказательств различного происхождения говоров старообрядцев – семейских Амурской области может служить анализ фактов предупредного вокализма после мягких согласных.

В старообрядческих говорах Амурской области в первом предупредном слоге после мягких согласных наблюдаются следующие типы вокализма: сильное яканье, диссимилятивное яканье, единичные случаи яканья на фоне иканья, иканье, единичные случаи еканья.

В говоре семейских Свободненского района доминирующим типом яканья является диссимилятивное яканье жиздринского типа: «В[’а]дú, перекр[’а]стú крёсным знаменем этот море; Он с костью был, огл[’а]нóлся. Он перекр[’а]стúл, и мос(т) соорóйся. Вот оне через этый мост перев[’а]лú поморцев. А которые б[’а]стыжие, и вот э-э называются эти, хараоны какие-то, оне все утонули. Оне неправедные»; «А у нас таки им[’и]нá. Ну, царковные им[’и]нá. Фёкла, имя ни м[’и]няется, так и пишется».

Сильное яканье зафиксировано в единичных случаях на фоне диссимилятивного яканья и иканья в речи одного информанта: «Ну, рассказывали мама, баушка-а, Как зас[’а]лялися. Щас, обождите, я маненько подумаю. Это вот бабка живеть, вот она зна-аеть. Это (в)от рядом бабка. Но та всё знает. Это вам то(ль)ко надо в д[’а]ревню, как зас[’а]лялось да как...»; «Отец вот рядом-то вот дом-то этот. Ал[’и]ксеew Андрей – это дедушка мой был, а отец мой – Ал[’и]ксеew Иван Андреич»; «Вот как раньше дома строили, вот он дом построенный. Я г(ово)рю, были бы люди, жили, он бы догл[’и]жённый был бы, так он ещё бы был, дом».

В редких случаях в речи старших диалектоносителей отмечено произношение [a] на месте [и] после мягких согласных в первом предударном слоге: «Оне же жаркие, з[’а]мой холодно, щас жарко w их, к[’а]гайския».

В речи большинства мужчин всех поколений семейских, а также женщин среднего и младшего возраста достаточно широко распространено иканье, в редких случаях отмечено яканье и еканье: «Wот это такой, ну как р[’е]мишóк, на шею вешали, такие маленькие, ну как бубенчики там они звинят и сборча-ата, и всё, интиресно было. Колокольчик (г)де-то у нас тут отцовский колокольчик хранится там, н[’и] знаю, целый н[’и] целый»; «Сбруя вот у брата-а, лошадь держить, у н[’и]вó ес(т)ь такая сбруя, у м[’и]ня там н[’и]мно́жко сохранилось. А мы же были, это, так сказать, у цыганew. Цыгане же лошадей держуть, и сбруя. Оне шьют сами там, всё делают. Ну, я у одного цыгана там пом[’и]нял лошадь, он мне дал с[’а]дё-олку и дал эту шл[’и]юу это самое, с набором таким»; «Wот оне с этой кожи шили. А женшшынам шили тоже унты, покороче такие гол[’и]нн-ища были. Мужуку суды, а это женшшынам такие, обшива-али красиво их, как выходные делали, празднишные, как и рабочие делали. А летом называли ч[’е]ркú. С кожи вот это женшшынам шили ч[’е]ркú, ну они, вроде, как по-нашему».

Таким образом, в говоре семейских Свободненского района в области безударного вокализма после мягких согласных общая тенденция такова: яканье разных типов фиксируется в речи старшего и части среднего поколения: *св’якрóука, пэкр’яст’íла, няслá*. Ведущим типом яканья в этих селах является диссимилятивное яканье жиздринского типа при наличии sporadических случаев сильного яканья. В чистом виде какой-либо из типов яканья не представлен. В речи большей части мужчин и женщин среднего и младшего поколений семейских преобладает иканье с единичными случаями яканья и еканья: *пэн’ислá, йимú, рэзв’íлá, с’ипрд’ítáйд, р’е’кè, н’есú, н’ясú, н’исú*, – что объясняется влиянием на говоры семейских литературного языка на всем протяжении XX века. Можно предположить, что развитие безударного вокализма в первом предударном слоге после мягких согласных в исследуемом говоре семейских Свободненского района осуществляется по схеме: «диссимилятивное яканье жиздринского типа → сильное яканье → еканье с иканьем → иканье», т.е. происходит изменение черт южнорусских говоров (например, тульских, калужских, рязанских (диссимилятивное яканье жиздринского типа)) в сторону черт среднерусских (например, псковских (сильное яканье)), а затем в сторону черт, свойственных современным русским переселенческим говорам повсеместно (иканье).

В традиционном слое старообрядческого говора Белогорского района после мягких согласных в первом предударном слоге основным типом вокализма является недиссимилятивное яканье: фонемы неверхнего подъема совпадают в звуке [a] в первом предударном слоге независимо от качества ударного звука. Эта особенность говора в речи представителей старшего поколения всех семейских и женщин среднего возраста является устойчивой, случаев диссимилятивного яканья не зафиксировано.

Недиссимилятивное яканье характерно для некоторых среднерусских говоров, главным образом псковских, а также для некоторых юго-западных говоров. Оно зафиксировано в говорах Московской, Орловской, Тульской, Рязанской областей (*Диалектологический атлас русского языка* 1986; Захарова, Орлова 1970: 149; Орлова

1970: 410; Касаткин 1989: 49; Царева 1962: 76). В говорах русских старообрядцев недиссимильативное яканье отмечено в Белоруссии и Польше (Грек-Пабисова, Мартыняк 1974: 40; Минина 1993: 38).

В силу системности недиссимильативного яканья в говоре сел Новоандреевка и Ключи мы можем предположить, что его материнская основа иная, чем у говора семейских Свободненского района, где ведущим типом вокализма после мягких является диссимильативное яканье жиздринского типа при наличии спорадических случаев сильного яканья.

Еще раз подчеркнем, что следов диссимильативного яканья в говоре семейских Белогорского района не зафиксировано. Это замечание считаем важным, так как «материал анализа синхронных систем сравниваемых типов предупредного вокализма может явиться одним из главных языковых данных для установления их генезиса» (Захарова, Орлова 1970: 51).

Многие диалектологи и историки русского языка считают недиссимильативное аканье и яканье результатом позднейшей трансформации диссимильативного. Такая точка зрения относительно говоров семейских отражена в работах А.М. Селищева, П.Ф. Калашникова, О.М. Козина (Селищев 1920; Калашников 2000; Козина 2006). Исследователи считают, что, по-видимому, в процессе имманентного развития исследуемых говоров на диссимильативность наложился принцип ассимильативности, тем более что такое явление характерно для периферийных говоров, в которых сохраняются и развиваются сложные типы яканья.

Однако Л.Л. Касаткин отмечает, что диссимильативное яканье, с одной стороны, «могло быть исконным, принесенным семейскими с южнорусского запада, а затем трансформировавшимся в сторону сильного яканья», но в то же время в некоторых семейских говорах первичным «могло быть сильное яканье, изменившееся затем под влиянием тех говоров семейских, которым было свойственно диссимильативное яканье, свой предупредный вокализм после мягких согласных, внося в него черты диссимильативности» (Касаткин 2002: 251-252). Следовательно, можно предположить, что недиссимильативное яканье могло являться чертой материнских говоров предков семейских Белогорского района Амурской области – выходцев из села Десятниково Тарбагатайской волости Верхнеудинского уезда Забайкальской области. Доказательством такой позиции могут служить замечания А.М. Селищева, который наблюдал в этом селе в начале XX в. «тип диссимильативного яканья, смешанный с ассимильативным» (Селищев 1920: 15). В первом же десятилетии XXI в. О.М. Козина отмечает в говорах сел Десятниково Тарбагатайского района и Новодесятниково Кяхтинского района республики Бурятия систему сильного (недиссимильативно) яканья, что не свойственно, например, говору села Никольское Мухоршибирского района (Козина 2006: 26-27).

Известно, что предупредный вокализм с параллелизмом реализации гласных в первом предупредном слоге после твердых и мягких согласных более архаичен, и нарушение принципа параллелизма свидетельствует о разрушении старых типов вокализма и развитии новых (Аванесов 1974: 165). В говоре сел Новоандреевка и Ключи в традиционном слое говора такой параллелизм сохраняется: недиссимильативное аканье (в том числе после шипящих и ц) параллельно

сосуществует с недиссимилятивным яканьем. Отклонения в сторону иканья свойственны для речи молодежи и мужчин среднего возраста, что обусловлено в том числе влиянием литературного языка. Таким образом, возможно, что материнский говор отдельных групп семейских сформировался в тот период, когда единая система яканья, «утратившись как живое фонетическое явление [...] породила множество частных систем, существующих на нефонетическом уровне, согласно конкретным возможностям каждой частной системы» (Захарова, Орлова 1970: 63).

В настоящее время в говорах семейских Архаринского района невозможно выявить единую систему предупредительного вокализма. Доминирующим типом является «иканье», обусловленное влиянием русского литературного языка.

В современных семейских говорах активно образуются разнодиалектные синонимические ряды, происходит трансформация семантической структуры слова, изменяется формальная структура лексем. Отражение этноязыковой основы и типологических черт материнских говоров ярко выражается в явлениях гиперкоррекции, при образовании синонимических рядов, в вариативности и отсутствии реализации сем или семантических смещениях.

В исследуемых группах говоров севернорусская лексика особенно ярко проявляется в двучленной оппозиции «севернорусское» – «южнорусское»: *изба́ – хата́* ‘жилой дом из одной комнаты (с русской печью)’; *кваши́ня – дежа́* ‘деревянная посуда, в которой замешивают тесто’; *кринка – макитра* ‘узкий глиняный сосуд с широким горлом’; *сковоро́дник – чапелá* ‘приспособление, которым держат сковороду’; *ухва́т – рогáч* ‘приспособление, которым вынимают чугуны из печи’ и др. В говорах семейских Архаринского района функционируют оба члена таких оппозиций. В селах Белогорского района зафиксирована лексика, распространенная в севернорусских говорах. Это специфическая группа говоров, сложившихся на южнорусской основе, но имеющих преимущественно севернорусскую лексическую систему. В Свободненском районе доминирует южнорусская лексика. В последних двух группах говоров фиксируется исключительно оппозиция «диалектное – литературное»: *изба – дом*, *кринка – горшок*, *дежа – корыто*, *чапела – сковородник* и др.

Лексическая система говоров свободненских и архаринских старообрядческих сел включает многие слова, распространенные преимущественно на территории южнорусских материнских говоров: *поместье* ‘место, на котором находится дом с хозяйственными постройками’; *баз* ‘скотный двор’; *корец* ‘ковш’; *чапля* ‘сковородник’; *коваль* ‘кузнец’; *махотка* ‘глиняный горшок’; *виски* ‘волосы’; *щербá* ‘уха’; *гуторить* ‘говорить’; *квёлый* ‘слабый, хилый’; *обрыднуть* ‘надоесть’; *летось* ‘в прошлом году’ и др.

Диалектные различия между говорами Свободненского и Белогорского районов носят как собственно лексический, так и семантический характер. Например, в с. Заган название колыбели, которая подвешивалась к потолку, – это преимущественно *лю́лька*; в с. Новоандреевка – только *зы́бка*. Для обозначения пасмурной погоды в говоре с. Заган активно функционирует лексема *хма́ра (хма́рно, хма́рить)*; в селах Новоандреевка и Ключи для названия подобного состояния природы употребляется лексема *морóк (морóшно)*.

В селах Архаринского района зафиксированы многочисленные пары и ряды слов, разнородных по происхождению: *прясла* – *жердіна* ‘звено, часть изгороди от одного вбитого в землю столба до другого’, *заплот* – *забор* ‘плотный забор из бревен, толстых жердей или бревен’, *пострёл* – *ургуль* ‘растение подснежник’, *плетень* – *городьба* ‘изгородь’, *мутюка* – *весёлка* ‘посуда для замешивания теста’, *шептунь* – *ичиги* ‘род кожаной без каблуков мужской и женской обуви без каблуков, на мягкой подошве’, *заскрёбыш* – *отхон* ‘последний ребенок в семье’, *заяц* – *куржак* ‘иной’, *городьба* – *поскотина* ‘огороженное место для выпаса скота’, *кошеніна* – *поскотина* ‘скошенный луг, выкошенный участок’, *ломоть* – *лусточка* – *луста* ‘ломоть хлеба’, *тárки* – *шаньги* ‘род дрожжевой выпечки с начинкой’, *назьмó* – *назём* ‘навоз’, *несушка* – *клохтүха* ‘курица-наседка’ и др. (Архипова 2014: 32-33).

Изменения в словарном составе семейских говоров, находящихся в контактировании с другими диалектными системами, определяется как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, главным из которых является степень языковой близости взаимодействующих диалектных систем.

Заключение

История, культура, этнография и язык амурских старообрядцев представляют собой сложнейшее явление, сформировавшееся под влиянием восточнославянской, западнославянской (главным образом, польской), сибирской и бурятской составляющих. Старообрядцы объединены общей генетической основой, историей социально-экономических, культурных, брачных, соседских контактов как на материнских территориях, так и в районах нового расселения.

Ареальное сравнительно-сопоставительное исследование говоров старообрядцев (семейских) Амурской области дает возможность изучить внутренние и внешние миграции старообрядческого населения, особенности их бытового взаимодействия с представителями других этнических групп, отражение религиозного мировоззрения и др. Такой подход связан с исследованием процессов языковой интеграции между говорами, сформировавшимися на территориях позднего славянского освоения, а также с изучением тенденций культурного взаимодействия между различными в культурно-религиозном отношении группами русского населения, что, несомненно, вызовет интерес у современных исследователей и будет способствовать фиксации и сохранению культурного и языкового наследия амурских старообрядцев.

Источники:

Галуза О.Ю., Иванова Ф.П. и др. (авт.-сост.), 2007, *Словарь русских говоров Приамурья*, Благовещенск.

Диалектологический атлас русского языка, 1986, Москва, вып. I, карта 3.

Кириллов А.В., 1894, *Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран*, Благовещенск.

- Кирпикова Л.В. (ред.), 2003, *Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского*, Благовещенск.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.*, 1904, Владивосток, вып. 76: Приморская область, тетр. 2.
- Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900 – 1902 гг.*, 1903, Благовещенск
- Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1903 – 1905 гг.*, 1906, Благовещенск.
- Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета*, 2001-2016, Благовещенск.

Литература:

- Аванесов Р.И., 1974, *Русская литературная и диалектная фонетика*, Москва.
- Аргудяева Ю.В., 2005, *Старообрядцы в Приамурье и Приморье*, [в:] *Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие*, Иркутск.
- Аргудяева Ю.В., 2008, *Русские старообрядцы в Маньчжурии*, Владивосток.
- Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А., 2013, *Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы*, Владивосток.
- Архипова Н.Г., 2009, *Речевой портрет семьи старообрядцев (семейских)*, «Слово: Фольклорно-диалектологический альманах», вып. 7, с. 85-106.
- Архипова Н.Г., 2011, *Восточнославянское взаимодействие в лексике старообрядческих говоров Амурской области*, «Слово: Фольклорно-диалектологический альманах», вып. 9, с. 34-41.
- Архипова Н.Г., 2014, *Говоры старообрядцев – семейских Амурской области: к вопросу о неоднородности лексического состава*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики», № 2-1 (32), с. 30-33.
- Архипова Н.Г., 2015, *Динамические процессы в лексике говоров старообрядцев Амурской области*, [в:] *Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы VI Международной научно-практической конференции*, Улан-Удэ, с. 158-166.
- Грек-Пабисова И., Марыняк И., 1974, *Русские старообрядцы в Польше и их говор*. *Диалектологический сборник: материалы IV диалектол. конф. по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтике (октябрь 1972 г.)*, Вильнюс, с. 35-42.
- Дальневосточный старообрядец*, 1935, Харбин.
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г., 1970, *Диалектное членение русского языка*, Москва.
- Калашников П.Ф., 2000, *А.М. Селищев как историк, археолог, этнограф и диалектолог (К 80-летию выхода в свет книги «Забайкальские старообрядцы. Семейские»)*, [в:] *История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: Тез. регион. науч.-практ. конф. 19-20 октября 2000 г.*, Улан-Удэ, с. 26-32.
- Касаткин Л.Л. (ред.), 1989, *Русская диалектология*, Москва.
- Касаткин Л.Л., 2002, *Катагоцинское яканье в говоре семейских – старообрядцев Забайкалья*, «Проблемы фонетики», с. 251-256.

- Козина О.М., 2006, *Говоры старообрядцев Бурятии – семейских: генезис, диалектный тип*, Улан-Удэ.
- Лобанов В.Ф., 1994, *Возвращение старообрядцев (1990-1913 гг.)*, «Россия и АТР», № 2, с. 15-28.
- Минина Н.Е., 1993, *Фонетико-грамматические особенности трех островных русских говоров на территории Витебской обл.: дисс. ... к. филол. н.*, Минск.
- Орлова В.Г., 1970, *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров*, Москва.
- Селищев А.М., 1920, *Забайкальские старообрядцы. Семейские*, Иркутск.
- Старообрядцы-переселенцы*, 1912, «Церковь», № 12.
- Тынтуева Е.И., 1974, *Бытовая лексика говора семейских Забайкалья*, Ленинград.
- Царева Л.И., 1962, *Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области*, «Псковские говоры», Псков, с. 74-78.